

Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев
**ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЗЕРКАЛА:
 СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
 ОБРАЗА КИТАЯ
 В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ**

Я иду к своему средоточью,
 К окончательной формуле:
 Зеркалу и ключу.
 Скоро я узнаю
 Кто Я.

Х.Л. Борхес

Ключевые слова: Россия, Китай, трансграничье, «желтая угроза», общественное сознание

Говоря об образе одной страны в глазах жителей другой, исследователи, как правило, имеют в виду пусть крайне сложный, но генерализированный образ. Собственно, их задача и сводится к тому, чтобы с помощью истории или культурно-антропологических особенностей объяснить содержание этого образа, показать его роль в межгосударственных, межкультурных или каких-то иных взаимодействиях. Вместе с тем на основе изучения образа *другого* (другой страны и другой культуры) делается вывод о самом «глядящем». Казалось бы, Китай для России сегодня — идеальный *другой*. Страны и народы имеют огромный опыт и дружеского, и конфликтного взаимодействия — от «русский с китайцем братья навек» до «конфликта цивилизаций». Однако при попытке организовать подобное исследование образа Китая с генерализацией возникают проблемы. Образ дробится, противоречит сам себе.

Значение Китая для политики России (да и не только России) неуклонно возрастает¹. Это связано не только с его статусом «второй экономики мира», активно перерастающей в «первую». Образ Китая все больше приобретает сакральные черты. Он становится неким двуединым божеством глобального мира. С одной стороны, в нем видят благой фактор, который вытянет мировую экономику из кризиса, поглотит «плохие» кредиты, станет локомотивом глобального хозяйства². С другой стороны, как и любой фактор, меняющий сложившееся положение вещей, он вызывает обеспокоенность тех, кого нынешняя система вполне устраивает³. При этом реалии собственно Китая по большей части остаются за пределами внимания как информационных агентств, так и общественного мнения.

¹ *Титаренко [Titarenko] 2003.*

² *Shen 2004.*

³ *Brzezinski, Mearsheimer 2005.*

⁴ Лукин [Lukin] 2003.

⁵ Титаренко [Titarenko] 2003.

Последнее, впрочем, не относится к России. Здесь интерес к Китаю долговременный и пристальный⁴ — правда, отнюдь не всегда доброжелательный. Казалось бы, поскольку взаимодействие с Китаем является сегодня одним из главных козырей российской политики, отношение к нему должно быть не просто «теплым», но «горячим». На первый взгляд на официальном уровне ситуация так и выглядит. Однако скептические голоса не умолкают⁵, и «желтая угроза» под тем или иным именем постоянно всплывает в работах, посвященных российско-китайским отношениям.

Но чем ближе к российско-китайской границе проживает автор, тем меньше в его тексте «желтой угрозы», больше взаимодействия. Да и сами тексты в зависимости от географической локализации автора существенно различаются. Создается ощущение, что авторы пишут о разных странах со случайно совпавшим названием. Это ощущение и дало толчок к написанию настоящей статьи. Как мы постараемся показать ниже, Китай порождает разные образы, специфически отражающиеся в разных регионах. Разумеется, самые сложные образы порождает российско-китайское трансграничье, где взаимодействие осуществляется теснее всего. Именно с него, а точнее, со специфики рецепции российско-китайского трансграничья мы и начнем изложение.

**Зеркала
на российско-
китайской
границе**

⁶ Лукин [Lukin] 2007: 88—89; Борох, Ломанов [Borokh, Lomanov] 2009: 68; Дятлов [Dyatlov] 2010: 51—63.

⁷ См. Бляхер [Blyakher] 2003: 93—112.

⁸ O'Loughlin, van der Wusten 1993: 1—8.

⁹ О границе [O granice] б.з.

Российско-китайская граница — далеко не самая большая приграничная область России. Ее протяженность 4209,3 км. Это почти вдвое меньше, чем, скажем, протяженность границы между Россией и Казахстаном. Однако роль этого приграничья не только в постсоветский, но и в более ранние периоды трудно переоценить. Китай был источником надежд и страхов, объектом восхищения и ненависти⁶. Причем подобные смыслы не сменяли друг друга, но сосуществовали, по-разному проявляя себя на разных уровнях концептуализации границы⁷. Да и сами эти уровни отнюдь не встраивались один в другой. Они если и коррелировали, то достаточно сложно и, главное, разнонаправленно.

Наиболее удаленный и юридически оформленный уровень, конечно, межгосударственный. Именно на нем принимаются политические документы, заключаются соглашения, синхронизируются карты и т.д. Строго говоря, именно это крайне удаленное взаимодействие обычно и становится предметом политологического анализа. Граница — безусловная данность, почти физический объект⁸. Возможность ее пересечения, наличие трансграничных потоков никак не влияют на восприятие границы. Во всяком случае, такое влияние чаще всего остается неконцептуализированным. Тем не менее именно на этом уровне задается совокупность формальных правил, связанных с границей (таможня, налоги, условия пересечения), определяется ее внешний облик (заставы, контрольно-следовая полоса, пункты перехода и т.д.). И именно здесь концептуализация оформляется законодательно — а потому легче всего фиксируется. Столь же легко фиксируются и изменения⁹.

Применительно к объекту нашего исследования таким изменением стало размежевание границы в 2005 г., по которому ряд территорий (островов на реке Амур) отошел к Китаю. Сюда же можно отнести отмену Россией особого порядка пребывания на пограничных территориях, как и самого статуса подобных территорий. Определенные изменения в отношении границы происходят и со стороны КНР. Для жителей приграничных территорий (Хабаровского, Приморского и Забайкальского краев, ЕАО, Амурской области) введена упрощенная процедура выдачи виз в точке перехода границы. Возможно также получение визы в аэропортах Пекина, Гонконга, Макао и о.Хайнань. Существуют и возможности безвизового пребывания на территории КНР (Хейхе, Большой Уссурийский остров)¹⁰. Впрочем, последнее хотя и связано с юридической фиксацией, располагается уже на ином уровне концептуализации и восприятия границы.

¹⁰ <http://ru.china-embassy.org/rus/fwzn/lsw/qzyw/t1085530.htm>.

Гораздо более динамичные процессы в отношении российско-китайской границы протекают на «низовом» уровне приграничного и трансграничного взаимодействия. В качестве эмпирической базы для их исследования мы использовали коллекцию неформализованных интервью с жителями приграничных и более отдаленных российских территорий, собранную нами в период с 1998 по 2013 г. в ходе реализации проектов, поддержанных Институтом «Открытое общество», Фондом Форда, Российским гуманитарным научным фондом и Фондом поддержки социальных исследований «Хамовники», а также ряд материалов, приводимых авторами работ, посвященных трансграничному взаимодействию¹¹.

¹¹ Рыжова [Ryzhova] 2003; Макарычев [Makarychev] 2004.

**«Россия в Китае»
и «Китай в России»**

На протяжении практически всего постсоветского периода в регионах, примыкающих к российско-китайской границе (причем и с той, и с другой стороны), шло постоянное, хотя и не вполне последовательное сближение социальных практик. Но у этого сближения была определенная специфика. На российских приграничных территориях конструировался «Китай», который в самом Китае воспринимался как «русский», то есть уже отразивший Россию. Такое взаимное отражение и породило феномен русско-китайского приграничья. Однако начнем ab ovo.

Распад ВПК, составлявшего основу промышленности Дальнего Востока в советский период, повлек за собой резкое падение уровня жизни и массовую миграцию из региона. Основной отток населения, как и распад производства, пришелся на 1990—1993 гг. Именно в этот период в поисках путей выживания региональное сообщество и начинает обживать границу. Возникает «челночное движение» из России в Китай и в обратную сторону, интенсивность которого нарастает, несмотря на откровенно антикитайскую идеологию тех лет.

Истоки такой идеологии лежат на поверхности. Поскольку структура региона выстраивалась как военная и именно для защиты от Китая¹², появление китайцев на улицах дальневосточных городов воспри-

¹² Кузин [Kuzin] 2004.

нималось как катастрофа. И дело было не в том, много их или мало, — катастрофичным казался сам факт их присутствия. Это и стало толчком к формированию местных версий концепций «желтой опасности» и «нелегальных мигрантов». Собственно говоря, в глазах жителя «восточного форпоста» «нелегальным» в тот период выглядел любой китаец. Точнее сказать, «нелегитимным» — его просто не должно было здесь быть. Этот мотив прослеживается практически во всех интервью 1998 г., даже тех, где респонденты рассказывают о совместном бизнесе с китайцами.

Но реальная нужда оказалась сильнее идеологии. Вопреки активной антикитайской риторике происходит чрезвычайно значимая трансформация регионального сознания: приграничный Китай перестает быть чужим. Поездка в Поднебесную, еще в 1991 г. воспринимавшаяся как *«прыжок в другой мир»*, к 1994 г. превращается в заурядное событие. Из сопредельных территорий везут ширпотреб — и *«для себя»*, и *«для торговли»*. Обживают приграничные поселки, постепенно вырастающие в города (Хейхе, Суйфэньхе и др.), жизнедеятельность которых почти полностью строится на трансграничном взаимодействии¹³. А главное, формируется инфраструктура, ориентированная на взаимодействие с партнерами по другую сторону границы.

¹³ Ryzhova 2008; Голунов [Golunov] (ред.) 2008: 186–191.

«В Суньку (Суйфэньхе — авт.) приезжаешь: тебя сразу „корифана“ (китайский партнер, помощник — авт.) встречает. С товаром может, со складом, с гостиницей. Да и так. Хочешь баньку, хочешь еще чего, все влет сделает. Он от местных за каждого русского процент получает» (житель Хабаровска, предприниматель, интервью взято в 1999 г.).

Уже к середине 1990-х годов возникают фирмы, которые берут на себя контакты с официальными инстанциями. На российскую клиентуру начинают ориентироваться целые кварталы приграничных китайских городов.

К исходу десятилетия на сопредельных территориях КНР складывается вариант «русского Китая». Появляются «русские» китайские рестораны с адаптированной кухней и меню на русском языке, русские вывески на магазинах и гостиницах и т.д. До 1998 г. эта структура охватывает лишь приграничные города и частично Харбин. Но она присутствует, опираясь на досоветские корни¹⁴. Ведь именно здесь селились русские крестьяне еще с конца XIX столетия, и некоторые из их потомков проживают по сей день. По этим территориям проходила КВЖД, а рубль до 20-х годов XX в. был основной валютой. Этот образ «русского Китая» и актуализируется в конце прошлого и начале текущего столетия.

¹⁴ Пешков [Peshkov] 2010: 601–616.

Ярким примером такого развития может служить г. Маньчжурия, стремительно выросший из небольшого поселка в полумиллионный город, который взял на себя роль терминала для осуществления взаимодействия с пограничными российскими территориями. Этой функции подчинена деятельность практически всех его структур — от многочис-

ленных торговых заведений и сферы услуг до Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии, где предусмотрен обязательный курс русского языка для студентов любых специальностей.

Аналогичная структура формируется и на российской территории. Она менее выражена, но присутствует.

«Там чифаньки (китайские кафе — авт.) были. Сначала типа, чтобы для своих. А потом пошли расти. Все больше и больше. Сейчас такие, знаешь, комплексы мощные. Там и кафе, и номера, и бани. Все есть. И наши, и китайцы там. Дешево, кстати. Дешевле, чем у наших» (житель Биробиджана, предприниматель, интервью взято в 2001 г.).

Респонденты упоминают о студенческих общежитиях, сдаваемых для проживания китайским торговцам, о фирмах, организующих перемещение граждан Поднебесной в Россию. В региональных центрах Дальнего Востока на ментальных картах города появляются первые объекты, определяемые как «китайские». Ими становятся в первую очередь «китайские» рынки, а вслед за ними и иные мигрантские объекты, зачастую даже визуально не маркированные как «китайские». Граница — далекая или близкая, но исключенная ранее из пространства города (даже в приграничных городах она воспринималась через свою барьерную функцию, что делало ее внешней по отношению к городу сущностью) — превращается в часть «своего» пространства, объективированную в «китайских банях», «китайских гостиницах», «китайских ресторанах» и т.д.

При этом на протяжении 1990-х годов меняется и само отношение к подобным элементам городской инфраструктуры. Если в начале десятилетия «китайские» объекты были более или менее явным образом стигматизированы, представляя собой некое маргинальное пространство, то в конце 1990-х их статус начинает расти.

«Раньше в китайских шмотках только лузеры ходили. Нормальные брали пусть не брендовые вещи, но корейские, японские или американские. А сейчас все из Китая. Даже европейские бренды китайцы делают. Кстати, хорошо делают» (житель Владивостока, государственный служащий, интервью взято в 2002 г.).

Претерпевает изменения и состав корреспондентов, партнеров и мигрантов. Особенно заметным это становится после 1998 г. До этого момента из Китая приезжали в основном мелкие торговцы, однако теперь поток усложняется. Появляются китайские строительные бригады, вытесненные (и то далеко не везде) строителями из Средней Азии и Северной Кореи только к середине «нулевых» годов, китайские предприниматели, ученые и педагоги. В городах российского приграничья открываются китайские гостиницы и кафе, пользующиеся популярностью у местных жителей, и многие другие элементы «китайской инфраструктуры» на российской территории.

Если возникавшие в начале 1990-х годов «китайские» объекты были предназначены «для своих» — мигрантов из КНР, то теперь это

инфраструктура взаимодействия с российским населением и обслуживания его. Причем инфраструктура, обладающая высоким статусом. Как отмечают респонденты, с этого периода становится сперва «приличным», а затем и «модным» посещать китайские рестораны. Китайские бренды начинают теснить европейские и американские. Из символа отсталости Китай превращается в желанный и притягательный, хотя и экзотический мир.

Подобно тому как в середине 1990-х годов формировалась «Россия в Китае», на рубеже веков складывается «Китай в России». Но меняется и «русский Китай». Если на первом этапе центром притяжения выступал Харбин, то позднее интерес смещается к Даляню, Бэйдайхе. Русские туристы, ученые и коммерсанты осваивают новое пространство. При этом «русскость» становится туристическим брендом северных провинций КНР. Реконструируются «русские улицы» в Харбине и Даляне, открываются музеи русской культуры. Возникает некая система «культурных зеркал», установленных друг напротив друга, где и формируются образы сопредельной страны, постепенно сближаясь между собой.

Приграничные территории России выстраивают свой «Китай», ориентируясь на уже «освоенные» северные провинции Поднебесной. Но провинции эти изначально имеют сильнейшую «русскую» прививку, сохранившуюся, несмотря на десятилетия охлаждения. Приспосабливаясь к ним, субъективно копируя Китай, создатели китайских кафе, бань и гостиниц копируют «Россию в Китае». Но и северные провинции КНР, по мере развития трансграничных контактов усиливающие русскую составляющую, ориентируются уже на «Китай в России». Такая система взаимных отражений, усиливающих друг друга, и создает феномен трансграничья, некоторого общего социокультурного и экономического пространства.

«Ты бы видел, как они работают. Я им вчера даю мою разработку по русским дачам в Харбине. Они через три дня приносят полный чертеж со всеми расчетами. А через неделю уже начинаются строительные работы. Конечно, получается не совсем так, как было. Материалы другие, да и о русской культуре у них свои представления. Но, знаешь, очень похоже» (житель Хабаровска, архитектор, интервью взято в 2004 г.).

Отношение русских к китайцам заметно меняется. Если в первых интервью неприязнь респондентов к Поднебесной и выходцам из нее вполне ощутима, то в последующих, особенно последних, подобная тональность полностью исчезает. Напротив, речь идет о качестве и относительной дешевизне китайской продукции.

«Я раньше багет из Италии возил. Мореное дерево, резьба. Красота. Ну и цена соответствующая. И не идет. Лихие деньги кончились, а ценителей для такого дела не очень много. Вот я в Китае, на выставке, нашел. Выглядит точно так же. Только не из дерева, а из современных материалов. Цена в пять раз ниже плюс транспор-

тировка дешевле. А ценителей, которые разницу поймут, у нас два с половиной человека» (житель Хабаровска, предприниматель, интервью взято в 2006 г.).

География «русского Китая» расширяется. Обживаются курортный Хайнань, Гонконг и Макао. Формируются русские общины в Шанхае, Циндао и других крупных городах Южного Китая¹⁵. Китай становится базой для «освоения» Юго-Восточной Азии. Возникает феномен «подлинного» Китая, уже не «русского», а «настоящего».

¹⁵ Бляхер, Федорева [Blyakher, Fedoreeva] 2009.

**Приграничье
как целостный
феномен**

Первоначальный перечень маркеров «китайскости», фиксируемых респондентами, был довольно ограниченным. Судя по результатам контент-анализа интервью, в их число входили: язык, необычная кухня, умение есть палочками, многочисленность, способность торговаться, традиционная китайская медицина, иероглифическое письмо, рисунки и иероглифическое письмо на шелке.

Постепенно, однако, этот перечень начинает трансформироваться, причем трансформироваться нелинейно, раздваиваться. Один из векторов идет под знаком «подлинного Китая». То есть приграничье уже осмысливается как «Китай неподлинный». Статусом «подлинного Китая» теперь наделяются Шанхай, Чанчжоу и другие города юга страны. Здесь «настоящая культура», «высокий уровень производства», «супергорода», «невероятная природа» и т.д. Впрочем, эти смыслы появляются достаточно поздно, к окончанию «нулевых» годов, и далеко не у всех респондентов. Для большей их части «настоящим Китаем» остаются именно его северные провинции, контакты с которыми продолжают развиваться. Такое раздвоение образа пока не является массовым. Даже в последней серии интервью оно фиксируется только у трех респондентов.

Приграничье, некогда освоенное бизнесменами и остающееся важной экономической зоной, осваивается новым потоком россиян — жителей южной части Дальнего Востока и Прибайкалья. Уже с начала столетия пенсионеры и представители традиционно малооплачиваемых бюджетных отраслей активно посещают китайские курорты, которые оказываются существенно более качественными и дешевыми, чем отечественные. Популярностью пользуются «стоматологические» туры в Удалянчи, Хуньчунь и другие приграничные города-курорты. Вместе с тем в последние годы появилась и новая тенденция: в Китай на постоянное место жительства отправляется все больше пенсионеров, особенно жителей Приморья и Приамурья¹⁶. Получение вида на жительство в Китае для иностранца — процесс крайне трудоемкий. Но приграничье позволяет продлевать время пребывания в КНР до бесконечности с минимальными издержками, часто только финансовыми. При этом на доход от сдачи квартиры в Благовещенске или Владивостоке можно не только снять большие по площади и более благоустроенные апартаменты в центре одного из курортных городков Китая, но и поправить здоровье, наслаждаться природой и т.д. Показательно, что во всех этих

¹⁶ Ахмирова [Akhmirova] 2013.

городах к вывескам на китайском и (в Хуньчуне) корейском языках добавились вывески на русском.

Складывается особая территория соприкосновения культур, где «русский Китай» и «китайская Россия» постепенно сближаются с точки зрения социальных и хозяйственных практик, языка и особенностей этикета. А их взаимодействие уже в минимальной степени опосредуется границей. Противоречие между удаленным (политическим, юридическим) и местным уровнями восприятия границы «гадится» за счет формирования разветвленной системы фирм, ориентированных на организацию взаимодействия в русско-китайском приграничье. Об этих фирмах респонденты — жители приграничных регионов России упоминают практически в каждом интервью. Приграничье перестает восприниматься как чужая территория. Чужое — это там, на юге.

«Вот когда в Циндао или Шанхай приезжаешь, то становится понятно, что в Китае, не дома. У нас, в Суньке, Хейхе или Харбине, все как-то иначе. Люди проще. Понятнее что ли. Там, конечно, все гораздо круче. Но на севере все свое, практически родное» (житель Владивостока, предприниматель, интервью взято в 2007 г.).

Сходным образом жители Северного Китая воспринимают города Биробиджана и Благовещенск¹⁷.

Такая «своя зона» и для русских, и для китайцев, простирающаяся довольно далеко от политической границы, сказывается не только на образе Поднебесной в глазах местных жителей, но и на их самовосприятии. Достаточно часто в интервью встречаются упоминания о том, что с китайцем достичь взаимопонимания легче, чем с «западником» (жителем европейской части России), да и отождествление себя с «Востоком» становится все более распространенным. Так, в последних сериях интервью (2007—2013 гг.) эту мысль высказывает уже большая часть респондентов.

«Мы, конечно, русские. Только мы такие русские, которым в Таиланд привычнее съездить, чем в Ригу. Мы понимаем, что бизнес в Гонконге или Сеуле — это намного интереснее и проще, чем бизнес в Европе. Здесь мы свои. Там — были и будем чужими» (житель Хабаровска, директор предприятия, интервью взято в 2010 г.).

Политические границы здесь не исчезают, но начинают вести себя довольно своеобразно. Решения далеких столиц или инициативы региональных властей могут создать проблемы при их пересечении. Могут появиться новые, неожиданные сборы с той или другой стороны, возникнуть осложнения при транспортировке товаров и переводе средств, задержки, связанные с пропускной способностью приграничных переходов. Возможны самые разные форс-мажорные обстоятельства, проистекающие из наличия официальных норм и правил. Тогда граница напоминает о себе. Так, вступление в силу нового закона о правовом положении иностранных граждан в России привело к жесткому вмешательству границы в деятельность регионального бизнеса, использующего труд китайских рабочих. Из ресурса граница внезапно превратилась

¹⁷ Алагуева, Васильева, Островский [Alagueva, Vasil'eva, Ostrovskij] 2007: 134.

в критическую проблему, для решения которой требовались особые инструменты и механизмы, в том числе неформальные. Однако в нормальных условиях граница в качестве барьера не воспринимается и в расчет не берется.

«В Фуюане международный аэропорт строят. Как достроят, мне все повышения цен на наши билеты будут по барабану. До Фуюаня доехал, а там, куда хочешь. Даже до Москвы слетать дешевле выйдет» (жительница Хабаровска, предприниматель, интервью взято в 2011 г.).

Возникает образ Китая, втягивающий в себя и сопредельные территории России. Для самих жителей этих территорий ситуация, впрочем, скорее обратная — втягивание Северного Китая в их орбиту. Но сторонний наблюдатель видит не возникновение некоторой общей реальности, а именно разрастание Китая. Ни того, что прорастание идет и в другую сторону, протягиваясь на сотни километров от юридической границы, что русские вывески пробираются все дальше на юг и на запад Китая, ни даже того, насколько срослись интересы населения сопредельных территорий, насколько прочно они соединены, причем вне зависимости от позиции столиц, он не замечает. В глазах такого внешнего наблюдателя российская территория испытывает однонаправленное воздействие со стороны гигантского южного соседа, и именно на ней уже расположен «подлинный Китай».

«У нас китайцев почти нет. Не то что у вас. Ресторанчики, конечно, есть китайские. Но даже там скорее казаха повара встретишь, чем китайца. Практически Хабаровск уже врос в Китай» (житель Новосибирска, преподаватель, интервью взято в 2013 г.).

Несмотря на вполне позитивные коннотации слова «китайский» в приведенной цитате, сама констатация остается: Хабаровск уже врос в Китай. Эта мысль отражается в более удаленных зеркалах, превращаясь в «желтую угрозу».

**«Желтая угроза»
в удаленных
зеркала**

Если в первые постсоветские годы фактор «желтой угрозы» практически никак не проявлялся на уровне удаленного восприятия, то уже к середине 1990-х годов представление о ней утверждается в качестве одного из фундаментальных концептов. В массовом сознании формируется образ Дальнего Востока, а несколько позже — и Восточной Сибири, полностью «оккупированных» китайскими мигрантами¹⁸. Из журналистских текстов этот образ перетекает в тексты научные, вдохновленные идеями С.Хантингтона¹⁹. Здесь образ приобретает необходимую «научную проработку»²⁰ и становится прочной основой как властной риторики, так и все новых публицистических версий грядущего апокалипсиса²¹. Круг воспроизводства концепта «желтая угроза» замыкается.

То обстоятельство, что апокалиптическая картина плохо стыкуется с официальными данными (согласно которым даже на пике миграции на территории Дальнего Востока находилось менее 40 тыс.

¹⁸ Бляхер [Blyakher] 2004.

¹⁹ Хантингтон [Huntington] 2003.

²⁰ Рыбаковский, Захарова, Миндогодов [Rybakovskij, Zakharova, Mindogudov] 1994.

²¹ Дятлов [Djatlov] 2008б: 8—9.

²² Ларин [Larin] 2001.

граждан КНР²²), обычно объясняют «нелегальной миграцией». По мнению разделяющих эту позицию авторов, нелегальные китайские мигранты (чуть ли не поголовно являющиеся агентами китайских спецслужб) заполнили восточную часть страны или даже Россию в целом, вытесняя и притесняя ее граждан²³.

²³ Гельбрас [Gel'bras] 2004: 121.

Еще не столкнувшись с действительно массовой миграцией из Китая, но уже сконструировав ее образ, удаленное от границы с Китаем российское сообщество «напряженно и почти обреченно» ждало появления чайнатаунов²⁴ и рисовало картины «китайского» Дальнего Востока. Через эти образы в страну пришло острое ощущение восточного приграничья, которое находилось теперь не только «на высоких берегах Амура»: смутно мерцающая, но тем не менее вполне осязаемая вошло в повседневность российских городов.

²⁴ Дятлов [Djatlov] 2008a: 3.

Чем сильнее тезис о наличии «желтой угрозы» расходился с фактами, тем более изощренной становилась аргументация сторонников этого представления, которое к началу текущего столетия превратилось в общее место рассуждений о Китае. Отчасти данная мифологема была порождена на уровне приграничного и трансграничного взаимодействия в сопредельных районах, но, только оторвавшись от источника, она приобретает статус несомненной истины. Отражение видит «подлинный Китай» на российской территории и фиксирует его как объективное обстоятельство. То, что это — лишь одно из «зеркал», просто ускользает от взгляда. С каждым новым отражением ситуация единства трансграничья отступает, а «ползучая экспансия» усиливается.

²⁵ Кумай [Kitajij] б.г.

Даже явное стремление последних лет к установлению тесных контактов с Китаем²⁵ постоянно наталкивается на нее. Более того, по мере продвижения от пограничья с КНР вглубь страны восприятие обществом границы обостряется. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что острее всего проблема дальневосточной границы (как в политологическом, так и в семантическом измерении) ощущается в столице. Напротив, в приграничных городах из «рубежа Родины» она все больше становится частью повседневности, инструментальной составляющей локальных по масштабам и трансграничных по сути экономических практик. Сакральность границы растворяется в бытовых (мелкохозяйственных), почти не рефлекслируемых практиках. Но уже на западной стороне Байкала начинаются изменения.

²⁶ Дятлов [Djatlov] 2004.

Трансформируются основные объекты «китайской инфраструктуры» — китайские вещевые рынки, возникшие в 1990-е годы во всех дальневосточных и сибирских городах²⁶. Первоначально это рынки, где граждане Китая продают товары из КНР. В связи с изменением законодательства и возникновением протекционистских норм китайские рынки начинают обзаводиться русскими продавцами. Постепенно расширяется и ассортимент товаров. Появляется продукция, а затем и торговцы из Средней Азии, Монголии, Индии. Но в сознании местного сообщества рынок остается китайским, даже утратив свое исходное «китайское» содержание.

«Знаете, скорее всего, „китайка“ — это такой образ, уже закрепившийся в умах именно иркутян, что любой такой рынок, где работают любые мигранты, даже... не китайцы, а, например, из Средней Азии, тоже, наверно, „китайка“ будет называться» (житель Иркутска, студент, интервью взято в 2014 г.).

Атрибуты «китайскости» редуцируются до минимального, но узнаваемого набора. При этом подобные узнаваемые атрибуты, почти отсутствовавшие изначально, усиливаются, компенсируя все более очевидную неоднородность внутреннего содержания рынка, отход от практик торговли, лежавших в основе китайских рынков 1990-х годов, и способов организации их пространства.

Вывески с китайскими иероглифами, китайские фонарики, рисунки, стилизованные «под Китай», становятся важным элементом оформления торговых площадок — вне зависимости от национальной принадлежности продавца, да и самого товара. Так, для жителя сибирского города кафе на территории «китайского» рынка, размещающееся в среднеазиатской юрте с бурятской по содержанию вывеской «Позная», оформленной в узнаваемом красно-желтом стиле и украшенной китайским драконом, не является чем-то инородным. Напротив, в его глазах это логичный и непротиворечивый элемент «китайского» пространства. Так отразилось Приграничье в Сибири. Набор китайских маркеров сократился. Зато добавились многочисленные иные маркеры и смыслы. «Китай» начал сливаться с Востоком вообще.

«Китайский — это и значит „восточный“ рынок. Они же все понемногу в Китае живут. И монголы есть, и казахи. Даже русские есть. Китай — как бы общее название Востока. Да и Забайкалье во многом тоже Восток» (жительница Читы, преподаватель, интервью взято в 2013 г.).

Здесь переплетаются два значимых смысла. Один из них связан с самим отождествлением «Китая» и «Востока»; второй — с отождествлением себя с этим «Востоком». Если для жителей Дальнего Востока и Забайкалья — это элемент самоидентификации, фиксация их отличия от «западников», то для следующего отражения — несомненное свидетельство того, что данные регионы *«захвачены китайцами»*. Этот смысл переплетается со смыслами «китайской миграции» и «ползучей агрессии».

Гетерогенность «китайского» пространства, естественно, включает в себя тему мигрантов. Собственно, с китайских граждан эта тема и начиналась. Но по мере отдаления от приграничья именно миграционная партия и начинает вести в хоре, причем тема китайских мигрантов постепенно срастается с темой мигрантов из стран Центральной Азии. Все фобии, некогда сформировавшиеся в отношении китайской миграции, здесь присутствуют и даже усиливаются. Но есть и особые смыслы, связанные именно с китайцами. Они не просто мигранты, но мигранты сильные — и потому самые опасные. Ради борьбы с ними можно даже смириться с «кавказцами».

«В ситуации китайской угрозы „кавказский фактор“ становится очень важным — возможно, лет через 15—20 их „дикие

отряды “ только и смогут противостоять китайской оккупации Сибири и Дальнего Востока (тем более что тогда число призывников по сравнению с нынешним временем упадет в 2 раза; да и устали русские уже воевать). И сейчас российской власти и Р.Кадырову было бы очень важно устраивать там пограничные поселения из горцев, а также мобильные отряды из них. Несколько сотен тысяч чеченцев, ингушей, дагестанцев и т.п. были бы сдерживающим фактором на российско-китайской границе»²⁷.

²⁷ О китайской угрозе [О kitajskojj ugroze] б.г.

²⁸ <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/911-rossijsko-kitajskij-sammit-2014-novyj-etap-strategii-vzaimodejstviya>.

²⁹ Храмчихин [Khramchikhin] 2008.

Параллельно на уровне официального дискурса конструируется и альтернативный образ Китая²⁸. Здесь содружество и взаимный интерес двух стран — несомненная данность. Но и в этом случае тоже все непросто. Мир зеркальных отражений сказывается и здесь. При всей риторике «братства» в дискурсе постоянно возникает тема «потенциальной опасности», «трудностей в общении». Она сливается с темой особого, непонятого и пугающего китайского мира²⁹, обретая статус несомненной истины. Впрочем, истины гетерогенной, не сводимой к какому-либо общему знаменателю.

Некогда, на рубеже XIX и XX вв., чтобы обозначить русский элемент в культуре Северного Китая, был введен термин «Желтороссия». Сегодня в «Желтороссию» постепенно превращается все приграничье. Русское и китайское зеркала смотрят друг на друга, и «русский Китай» и «китайская Россия» все сильнее сливаются в одно, общее изображение.

Это бесконечно рекурсивное изображение не остается вещью в себе, а становится если не инструментом, то эталоном для конструирования образа Китая иными сообществами страны, не соприкасающимися с «китайской действительностью». «Желтороссия», складывающаяся в российско-китайском пограничье, остается конструктом, но конструктом тщательно опредмеченным, прочитываемым в свойствах и функциях большинства акторов пространства пограничья. В более же удаленных регионах (в северных районах Дальнего Востока, в Сибири и далее на запад страны) иной основы, кроме «китайских» локальностей городского пространства, для конструирования образа Китая нет.

Этот одновременно виртуальный и реальный (включенный в повседневность городов и горожан) «Китай» сопоставляется с идеальным образом «настоящего Китая», под которым понимаются не столько глубинные провинции и столичные мегаполисы КНР, сколько российско-китайское пограничье — «Желтороссия». Именно здесь можно попробовать «настоящую китайскую кухню» (в противовес адаптированной кухне китайских ресторанов сибирских городов), окунуться в роскошь (и дешевищу!) «подлинного китайского сервиса» и т.д.

За парой «зеркал», формирующих «Желтороссию», обнаруживается целая система подобных «зеркал», которые отражают не только друг друга, но и все «зеркала», возникающие в глубине как одной, так и другой территории. Мерцающее в этих бесконечно повторяющихся и искажающихся отражениях трансграничье многократно множит число граней конструируемого образа Китая (и России), придавая ему объемность и реалистичность на уровне каждого из «зеркал». Этот образ или,

точнее, образы, порождаемые системой зеркал и тиражируемые медиа, становятся для общества и власти более реальными и «правильными», чем собственно китайские города. В России складывается множество образов Китая, которые начинают жить собственной жизнью, связанной с российско-китайским пограничьем самым причудливым и непредсказуемым манером. Ведь несомненным и подлинным каждый раз предстает «свой» (для каждого из отражений) Китай. В результате многочисленность образов Китая оказывается одним из проявлений реальной разнородности страны, скрытой официальной риторикой и не менее официальной статистикой. Но источником, местом, где отражения сходятся, остается трансграничье с его системой взглядывания друг в друга.

* * *

Мы начали статью с тезиса о том, что образ *другого* зачастую больше говорит о том, кто глядит, чем о самом *другом*. Нечто подобное происходит и с образом Китая. Разная Россия смотрит на разный Китай, видя в нем собственное отражение, находя собственные черты. Различия в восприятии Китая суть проявления различий между самими зеркалами, между самими регионами. Актуализация этих различий может стать шагом на пути к проговариванию собственной самости, обретению региональной идентичности. Наличие же у регионов особого, отличного от других языка, наличие возможности «высказать себя» даже сегодня, в условиях «духовных скреп» и «враждебного окружения», дает уникальный шанс договориться о новой политической сущности — о России.

Есть и еще одно более очевидное следствие взаимных отражений, сливающихся в единое трансграничье. Китай и Россия объединены далеко не только и не столько системой договоров или текущим политическим интересом. Они объединены сплавленным трансграничьем, общим для России и Китая.

Библиография

Алагуева Т., Васильева К., Островский А. 2007. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // *Проблемы Дальнего Востока*. № 4 [Alagueva T., Vasil'eva K., Ostrovskij A. 2007. Obraz rossijan v glazakh kitajcev i obraz kitajcev v glazakh rossijan na sopredel'noj territorii // *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 4].

Ахмирова Р. 2013. *Зачем русские убегают в Китай* [Akhmirova R. 2013. *Zachem russkie ubegajut v Kitajj*] (<http://sobesednik.ru/incident/20131103-zachem-russkie-ubegayut-v-kitai>).

Бляхер Л.Е. 2003. Диалог через границу: региональные варианты кросскультурного взаимодействия // *Вестник Евразии*. № 4 [Blyakher L.E. 2003. Dialog cherez granicu: regional'nye varianty krosskul'turnogo vzaimodejstvija // *Vestnik Evrazii*. № 4].

Бляхер Л.Е. 2004. Потребность в национализме, или Национальное самосознание на Дальнем Востоке России // *Полис*. № 3 [Blyakher

L.E. 2004. Potrebnost' v nacionalizme, ili Nacional'noe samosoznanie na Dal'nem Vostoke Rossii // Polis. № 3].

Бляхер Л.Е., Федорева К.В. 2009. Русские в Китае: социологический анализ миграционного потока // *Вестник ТОГУ*. № 4 [Blyakher L.E., Fedoreeva K.V. 2009. Russkie v Kitae: sociologicheskij analiz migracionnogo potoka // Vestnik TOGU. № 4].

Борох О., Ломанов А. 2009. Возвращение Небесного повеления // *Pro et Contra*. № 3—4 [Borokh O., Lomanov A. 2009. Vozvrashhenie Nebesnogo poveleniya // Pro et Contra. № 3—4].

Гельбрас В. 2004. *Россия в условиях глобальной китайской миграции*. — М. [Gel'bras V. 2004. Rossiya v usloviyakh global'noj kitajskoj migracii. — M.].

Голунов С.В. (ред.) 2008. *Региональное измерение трансграничной миграции в Россию*. — М. [Golunov S.V. (red.) 2008. Regional'noe izmerenie transgranichnoj migracii v Rossiju. — M.].

Дятлов В.И. 2004. «Шанхай» в центре Иркутска: Экология китайского рынка // *Экономическая социология*. № 4 [Djatlov V.I. 2004. «Shankhaj» v centre Irkutsk: Ehkologija kitajjskogo rynka // Ehkonomicheskaja sociologija. № 4] (<http://www.ecsos.mses.ru>).

Дятлов В.И. 2008а. Чайнатауны в современной России // *Этнографическое обозрение*. № 4 [Djatlov V.I. 2008a. Chajjnatauny v sovremennoj Rossii // Ehtnograficheskoe obozrenie. № 4].

Дятлов В.И. 2008б. Россия: в предчувствии чайнатаунов // *Этнографическое обозрение*. № 4 [Djatlov V.I. 2008b. Rossiya: v predchuvstvii chajjnataunov // Ehtnograficheskoe obozrenie. № 4].

Дятлов В.И. 2010. «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие (Опыт России) // *Идеи и идеалы*. № 2(4) [Djatlov V.I. 2010. «Velikie ksenofobii»: vzaimovlijanie i vzaimodejstvie (Opyt Rossii) // Idei i idealy. № 2(4)].

Китай — стратегический партнер России не по форме, а по сути — В.Путин [Kitajj — strategicheskij partner Rossii ne po forme, a po suti — V.Putin] (<http://russian.people.com.cn/31519/8392713.html>).

Кузин А.В. 2004. *Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922—1941 гг.* Диссертация на соискание уч. степени д. ист. наук. — Иркутск [Kuzin A.V. 2004. Voennoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke SSSR: 1922—1941 gg. Dissertacija na soiskanie uch. stepeni d. ist. nauk. — Irkutsk].

Ларин В. 2001. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке: ответ алармистам // *Диаспоры*. № 2—3 [Larin V. 2001. Poslancy Podnebesnoj na Dal'nem Vostoke: otvet alarmistam // Diaspory. № 2—3].

Лукин А. 2003. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения // *Неприкосновенный запас*. № 3 [Lukin A. 2003. Eholvucija obraza Kitaja v Rossii i rossijsko-kitajskie otnosheniya // Neprikosnovennyj zasap. № 3] (<http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/lukin.html>).

Лукин А. 2007. Китай: опасный сосед или выгодный партнер? // *Pro et Contra*. № 6 [Lukin A. 2007. Kitajj: opasnyj sosed ili vygodnyj partner? // Pro et Contra. № 6].

Макарычев А. 2004. *Четыре лика приграничной России: к вопросу о роли регионов в международных взаимодействиях* [Макарычев А. 2004. Chetyre lika prigranichnoj Rossii: k voprosu o roli regionov v mezhdunarodnykh vzaimodejstvijakh] (http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/rus-regions/regions/).

О границе между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на ее Восточной части [O granice mezhdu Rossijskoj Federaciej i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj na ee Vostochnoj chasti] (<http://www.kommersant.ru/doc/521958>).

О китайской угрозе [O kitajskoj ugroze] (<http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/china.htm>).

Пешков И.О. 2010. Граница на замке постсоветской памяти: Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских из Трехречья // Дятлов В.И. (ред.) *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков*. — Иркутск [Peshkov I.O. 2010. Granica na zamke postsovetskoj pamjati: Mifologizacija frontirnykh soobshhestv na primere russkikh iz Trekhrech'ja // Djatlov V.I. (red.) Migracii i diaspory v sociokul'turnom, politicheskom i ehkonomicheskom prostranstve Sibiri: Rubezhi XIX—XX i XIX—XX vekov. — Irkutsk].

Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Миндогудов В.В. 1994. *Незаконная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: История, современность, последствия*. — М. [Rybakovskij L.L., Zakharova O.D., Mindogudov V.V. 1994. Nelegal'naja migracija v prigranichnykh rajonakh Dal'nego Vostoka: Istorija, sovremennost', posledstvija. — M.].

Рыжова Н.П. 2003. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как форма китайско-российского симбиоза // *Диаспоры*. № 2 [Ryzhova N.P. 2003. Prigranichnaja «narodnaja torgovlja» v Blagoveshhenske kak forma kitajsko-rossijskogo simbioza // *Diaspory*. № 2].

Титаренко М. 2003. Китай и глобализация // *Проблемы Дальнего Востока*. № 6 [Titarenko M. 2003. Kitaj i globalizacija // *Problemy Dal'nego Vostoka*. № 6].

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. — М. [Huntington S. 2003. Stolknovenie civilizacij. — M.].

Храмчихин А. 2008. *Почему Китай сломает весь мир* [Khramchikhin A. 2008. Pochemu Kitajj slomaet ves' mir] (<https://ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/china/>).

Brzezinski Z., Mearsheimer J.J. 2005. Clash of the Titans // *Foreign Policy*. January/February.

O'Loughlin J., van der Wusten H. 1993. *The New Political Geography of Eastern Europe*. — L.

Ryzhova N. 2008. Informal Economy of Translocations: The Case of the Twin City of Blagoveshensk-Heihe // *Inner Asia*. Vol. 10. № 2.

Shen D. 2004. Emergence d'une diplomatie active // *Le Monde diplomatique*. Octobre.